
КНИГА ШЕСТАЯ

1

Афинянин. Однако, после всего только что высказанного, тебе придется обратиться, пожалуй, к установлению правительственных должностей в этом государстве. 751

Клиний. Да, это так.

Афинянин. К государственному благоустройству относятся две вещи: во-первых, установление должностей и будущих должностных лиц,—т. е. определение их количества и способа их поставления; во-вторых, надо дать каждой из должностей определенные законы, количество, качество и свойство которых должны соответствовать каждой должности. Однако, прежде чем произвести этот выбор, задержимся немного и выскажем по этому поводу одно подходящее соображение. В

Клиний. Какое именно?

Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законодательство есть великое дело; но если хорошо устроенное государство поставит над хорошо установленными законами власть непригодную, то эти законы не принесут никакой пользы, и положение создастся весьма смешное; более того, это поведет к величайшему ущербу и гибели государства. С

Клиний. Конечно.

Афинянин. Представим себе, друг мой, что именно эта опасность угрожает твоему нынешнему государственному строю и государству. Вот почему, видишь ли, и надо, чтобы лица, правильно домогающиеся правительственных должностей, столь значительных вообще, представили достаточное доказательство неопороченности как своей, так и своего рода, начиная с дет-

ства и вплоть до времени избрания. В свою очередь, и будущие избиратели должны быть хорошо воспитаны в духе законов, чтобы путем порицания или одобрения выбирать или отвергать, смотря по заслугам каждого. Разве смогут безупречно выбрать должностных лиц люди, лишь недавно сошедшиеся, не знакомые друг с другом, да к тому же и лишенные воспитания?

Клиний. Это почти что невозможно.

Афинянин. Однако, как говорится, отговорки не очень-то принимаются во внимание на состязаниях. Так вот, и нам с тобою теперь надо так поступить. Ведь ты, по твоим словам, обещал критскому народу позаботиться, вместе с девятью другими лицами, об установлении государственного строя нового поселения. Я же обещал помочь тебе в нынешнем собеседовании. Поэтому мне не хотелось бы оставить свою речь невозглавленной: ведь в таком случае она вертелась бы вокруг да около и показалась бы бесформенной.

Клиний. Превосходно сказано, чужестранец!

Афинянин. И не только сказано, но я по мере сил и осуществляю это.

Клиний. Мы тоже поступим так, как говорим.

Афинянин. Да будет так, если угодно богу, и если мы сможем хоть настолько превозмочь нашу старость.

Клиний. Вероятно, богу это угодно.

Афинянин. Да, вероятно, и в самом деле так. Следуя богу, заметим вот что—

Клиний. Что именно?

Афинянин. Как мужественно и безопасно будет устроено наше нынешнее государство!

Клиний. С какой точки зрения? Что ты имеешь в виду сейчас?

Афинянин. Как легко и бесстрашно устанавливаем мы законы для людей неопытных, с той целью, чтобы они когда-нибудь приняли ныне установленные законы! Однако, Клиний, всякому, пожалуй, даже и не слишком мудрому, ясно, по крайней мере, следующее: в начале люди не легко примут какие бы то ни было законы. Если же мы останемся с ними на все то время, пока дети, вкусившие этих законов, вырастут, достаточно с ними

освоятся и станут принимать участие в государственных выборах, то...¹⁰⁶. Когда же осуществится то, о чем мы говорим, если только каким-либо способом это произойдет как следует,— то, по моему мнению, государству, так воспитанному, обеспечена тем самым надежная устойчивость на будущее время.

Клиний. Это не лишено основания.

D

Афинянин. Итак, посмотрим, не найдем ли мы какого средства, достаточного для достижения этой цели. Я утверждаю, Клиний, что кносийцы, преимущественно перед остальными критянами, должны не только принести очистительные жертвы о заселяемой земле, но употребить все старания, чтобы первые правительственные должности пребывали по возможности непоколебимо и в наилучшем состоянии. Что касается остальных должностей, то здесь дело проще. Однако, сперва нам надо со всякою тщательностью избрать законохранителей.

E

Клиний. Но на чем нам основываться, чтобы найти это средство?

Афинянин. А вот на чем: я утверждаю, о дети Крита, что кносийцы, вследствие своего превосходства над многими государствами, должны вместе с другими, выселившимися в это поселение, выбрать из них и из своей среды в общей сложности тридцать семь человек, при этом девятнадцать из среды поселенцев, остальных же из самого Кноса. Пусть это количество кносийцы предоставят твоему государству; ты сам также будешь гражданином этой колонии и одним из этих восемнадцати. Они поступят так или по личному убеждению, или уступая умеренному принуждению.

753

Клиний. Так разве ты, чужестранец, и Мегилл не будете принимать участия в нашем государственном строе?

2

Афинянин. Афины, Клиний, держатся гордо; да и Спарта горда. Велико между ними расстояние. А у тебя все обстоит хорошо, да и у остальных поселенцев точно так же, как у тебя. Уже сказано было о наиболее приличном устройении дел при настоящих наших обстоятельствах. С течением времени, когда

B

окрепнет государственный строй, избрание должностных лиц будет производиться примерно так—

В выборах должностных лиц участвуют все те, кто носит оружие—в коннице ли то или в пехоте,—кто участвовал на войне в отрядах, соответственно своему возрасту. Выборы происходят в святилище, которое государство наиболее почитает.

С Каждый избиратель должен возложить на жертвенник бога дощечку, написав на ней имя, отчество, филу и дем, членом которого состоит избираемый; точно таким же образом должен приписать избиратель и свое собственное имя. Всякий желающий может, если ему покажется, что дощечка заполнена несообразно с его намерением, изъять ее и выставить на площади, в течение не менее тридцати дней. Выбрав до трехсот таких дощечек, признанных главными, должностные лица показывают их всем гра-

Д жданам. Граждане подобным же образом выбирают из этих трехсот того, кого каждый хочет. Во второй раз из них отбирают сто и снова показывают всем. На третий раз пусть голо-
суют за тех, кто значится в числе этих ста, опять-таки всякий за кого хочет, но уже принося клятву над внутренностями жертвенных животных. Тридцать семь человек, получивших наибольшее число голосов, становятся должностными лицами.

Е Но кто, Клиний и Мегилл, будет в нашем государстве руководить выборами должностных лиц и производить докимасию^{107?} Мы понимаем, что в государствах, впервые таким образом соединяющихся, необходимо должны быть лица руководящие; но в начале их не может быть со стороны всех должностей. Однако, так или иначе, руководители должны быть, притом не какие-нибудь неважные, но как можно более деятельные. Пословица гласит, что начало половина всякого дела, и мы в каждом отдельном случае хвалим прекрасное начало. В данном же
754 случае, как мне кажется, это больше, чем половина; никто не сможет достойным образом восхвалить успех этого прекрасного начинания.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Раз мы это сознаём, мы не можем обойти молчанием этот вопрос, не выяснив самим себе средства, ведущего к его разрешению. Я не располагаю сейчас многими

соображениями; могу высказать разве лишь одно, необходимое и полезное при настоящем положении дел.

Клиний. Какое?

3

Афинянин. Я утверждаю, что у того государства, которое мы собираемся основать, не будет никого в качестве отца и матери, кроме государства, основывающего поселение. Мне хорошо известно, что часто бывают—да и будут впредь—многие отличия колоний от метрополий. Но в настоящем случае наше государство, как дитя—даже если будут у него когда различия по сравнению с родителями,—любит последних, несмотря на все трудности своего нынешнего воспитания; да и родители его любят; оно прибегает к своим родственникам и только в них постоянно находит себе необходимых союзников. Я и утверждаю теперь, что именно так будет обстоять дело у кносийцев, вследствие их заботливости о новом государстве; точно так же и новое государство будет относиться к кносийцам. Я повторяю только что сказанное, ибо не вредно дважды сказать прекрасное: кносийцы обща должны позаботиться обо все мэтом, выбрав старейших и, по возможности, лучших людей из числа колонистов, в количестве не менее ста. Из среды самих кносийцев пусть поставят других сто человек. Они должны, утверждаю я, отправиться в новое государство и там озаботиться, чтобы правительственные должности были установлены и проверены ¹⁰⁸ согласно законам. После этого кносийцы возвращаются в Кнос, новое же государство пробует самостоятельно поддерживать себя и преуспевать.

Указанным способом пусть у нас выбираются и теперь, и впредь тридцать семь должностных лиц. Они будут прежде всего охранителями законов, затем охранителями записей, в которых каждый гражданин впишет, для сведения должностных лиц, количество своего имущества, за исключением четырех мин для принадлежащих к первому классу, трех мин ¹⁰⁹ для второго, двух мин для третьего и одной мины для четвертого. Если же окажется, что кто-нибудь приобрел сверх указанного в записи, то излишек конфискуется в пользу государства; кроме

того, всякий желающий может возбудить против приобретшего судебное дело; оно поведет отнюдь не к доброй славе, а напротив, к позору, если обнаружится, что этот гражданин пренебрег законами вследствие корыстолюбия. Всякий желающий, указав в письменной форме на его позорное корыстолюбие, может привлечь его к суду в присутствии самих законохранителей. В случае осуждения, он лишается права иметь свою часть в общем имуществе; если в государстве будет производиться какой-нибудь передел, он не получит в нем своей доли, кроме своего первоначального, полученного по жребию, надела; имя виновного в продолжение всей его жизни будет начертано там, где всякий желающий может его прочесть.

Законохранитель не должен стоять у власти более двадцати лет; избирать на эту должность можно лишь лиц, не моложе пятидесяти лет. Если будет избран шестидесятилетний, он будет править только десять лет, и так дальше, по такому же расчету, так что переступившие за семьдесят лет пусть имеют в виду, что в таком возрасте они уже не могут занимать эту должность.

4

Ограничимся пока этими тремя предписаниями относительно законохранителей. По мере развития законов, этим лицам представятся сверх только что указанных новые задачи, о которых им придется позаботиться. А теперь непосредственно перейдем к вопросу об избрании других должностных лиц. След за указанными лицами надлежит произвести выборы стратегов и их как бы помощников в военном деле: гиппархов, филархов¹¹⁰ и тех, кто упорядочивает ряды пехотных отрядов; этим последним всего более приличествовало бы название таксархов, как, впрочем, большинство их и называет. Кандидатов на должность стратегов предлагают законохранители из числа граждан. Все принимавшие и принимающие участие в военном деле и имеющие надлежащий возраст имеют право избирать из числа предложенных кандидатов. Если окажется, что кто-либо может выставить лучшего кандидата, нежели предложенные стратегами, он может, подтвердив клятвою, взамен этих, выставить имя своего

кандидата ¹¹¹. Кто при голосовании, производимом путем поднятия рук, соберет наибольшее число голосов, тот допускается к избранию.

Трое, получившие наибольшее число голосов, становятся стратегами и попечителями о военных делах, однако, лишь после того, как и они, подобно законохранителям, подверглись доки-мации. Избранные стратеги сами выбирают двенадцать канди-датов на должность таксиархов, по одному таксиарху для каждой Е филы. Впрочем, и здесь, как и при выборе стратегов, допу-скается предлагать других кандидатов; точно так же допускается голосование путем поднятия рук и окончательное решение. Пока не выбраны пританы ¹¹² и совет, законохранители соби-рают это собрание в месте наиболее священном и подходящем, отдельно разместив тяжеловооруженных, отдельно всадников и, вслед за ними, всех остальных воинов. Относительно стратегов и гиппархов пусть голосуют, путем поднятия рук, все граждане; 756 относительно же таксиархов лишь те, кто носит щит; филархов пусть избирает вся конница. Пусть стратеги сами поставят себе начальников над легковооруженными воинами, над стрелками или над представителями иного рода оружия.

Нам еще остается коснуться вопроса о поставлении гиппар-хов. Их кандидатуру пусть выдвигают те, кто предлагает кан-дидатов в стратеги; избрание же и выставление кандидатов пусть производится точно так же, как и при выборе стратегов. Конница пусть голосует, путем поднятия рук, на виду у пе-хоты; В двое, получивших наибольшее число голосов, становятся во главе всей конницы. Если при поднятии рук произойдет не-ясность, допускается вторичное голосование. Если же и в третий раз будет неясность, пусть дело решают те, кто в каждом от-дельном случае руководил голосованием.

5

Совет пусть состоит из тридцати додекад ¹¹³ членов. Число триста шестьдесят допускает удобное деление. Разделив это число на четыре части, по девяносто в каждой, мы постановим, чтобы каждый из четырех классов граждан выбирал девяносто членов со- С вета. Прежде всего должны происходить выборы из высшего класса.

Ослушник подвергается установленному наказанию. После голосования следует записать имена избранных. На другой день избирают граждане второго класса таким же образом, как накануне [избирали граждане первого класса]. На третий день голосуют желающие из третьего класса. Трем первым классам это вменяется в обязанность. Четвертый класс, как самый низший, остается свободным от наказания, если кто из граждан этого класса не захочет голосовать. На четвертый день голосуют все из четвертого, самого низшего класса. Однако, если гражданин четвертого или третьего класса не захочет голосовать, он не подвергается наказанию. Не голосовавшие граждане первого и второго класса должны понести наказание: принадлежащие ко второму классу—втрое больше первоначального наказания, принадлежащие к первому—вчетверо. На пятый день должностные лица выносят записи с именами избранных для обозрения всем гражданам. Всякий снова должен голосовать за кого-нибудь из них, под страхом повторения первоначального наказания. Когда таким образом от каждого класса окажутся избранными сто восемьдесят человек, половина их устраняется путем жеребьевки, остальные же на этот год становятся членами совета.

Выборы, производимые таким образом, занимают средину между монархическим и демократическим государственным строем: наше государственное устройство всегда должно занимать средину. Ведь рабы никогда не станут друзьями владык, так же как люди негодные не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равнопочетные должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если не соблюдена надлежащая мера. Вследствие обеих этих причин, государства наполняются междоусобиями. Правда, истинно древнее слово, что равенство производит дружбу—это сказано вполне правильно и складно; но какое именно равенство обладает такой силой, не слишком ясно, и это слишком приводит нас в смущение. Есть два вида равенства; они, хотя и одноименны, но, на деле, во многом чуть что не противоположны. Из этих видов первому может отвести почетное место всякое государство и всякий законодатель, руководя его распределением при помощи жребия: это равенство мер, веса, числа. Но для всякого человека нелегко усмотреть самое истинное и наилучшее равенство, ибо оно есть суждение Зевса;

людям его уделяется всегда немного; все же, поскольку оно будет уделено государству или частным лицам, оно производит все блага. Оно уделяет большему—больше, меньшему—меньше, каждому давая соразмерно его природе; особенно большой почет воздает оно всегда людям более добродетельным; противоположное тем, кто менее преуспел в добродетели и воспитании; оно разумно уделяет каждому надлежащее. У нас все относящееся к государственному устройству постоянно совпадает с справедливостью. Мы, Клиний, уже теперь должны стремиться к этому равенству, имея в виду устроить наше возникающее теперь государство. Если кто когда будет устраивать другое государство, то и ему надо будет законодательствовать, постоянно имея в виду именно это, т. е. справедливость, а не тираннов—немногих или одного—и не преобладание народа. В этом-то и заключается только что высказанная нами мысль о равенстве, установленном для неравных в каждом отдельном случае согласно природе.

Впрочем, всякому государству, если оно хочет избежать в известной своей части внутренних волнений, необходимо воспользоваться и другим видом, заимствовавшим свое имя от первого. Ведь снисходительная благопристойность при своем осуществлении, является, вопреки надлежащему праву, как бы прорывом в область строгого совершенства. Поэтому, вследствие недовольства широких толп, необходимо применять равенство путем жребия, призывая в молитвах бога и доброе счастье, чтобы они направили жеребьевку к высшей справедливости. Так-то приходится пользоваться обоими видами равенства; однако, тем из них, где господствует случайность, как можно реже.

6

Вот как, друзья мои, неизбежно приходится поступать государству, если оно хочет спастись; причины здесь именно таковы. Подобно тому, как корабль, плывущий в море, нуждается в постоянном страже и днем, и ночью, точно так же и государство держит свой путь среди бурного натиска остальных государств, подвергаясь опасности быть захваченным раз-

ными кознями. Поэтому с утра до ночи и с ночи до утра правители должны сноситься с правителями, стражи должны сменять стражей, и все это должно делаться беспрестанно. Широкие толпы никогда не смогут быстро сделать ничего такого. Правда, необходимо допустить, чтобы большинство членов совета большую часть времени занималось своими личными делами и приводило в порядок свое собственное хозяйство.

С Однако, двенадцатая их часть пусть будет на страже, одна за другой, соответственно двенадцати месяцам. Они были бы к услугам каждого приходящего из самого государства или со стороны, если он захочет сообщить о чем-либо или, наоборот, узнать что-либо из числа тех вопросов, на которые одному государству подобает давать ответы другим, или, обратно, на свои вопросы получать ответы от других государств. В особенности должны они предупреждать всякий раз внутренние

Д волнения в государстве, которые обычно возникают по самым различным поводам; в случае их возникновения, государство должно как можно скорее обратить внимание и уврачевать их. Поэтому стоящие во главе государства должны постоянно иметь право созывать собрания и разрешать государственные вопросы, как возникающие на почве законов, так и представляющиеся внезапно. Всем этим пусть ведает двенадцатая часть совета, прочие же одиннадцать частей пусть отдыхают в течение года. Эта [двенадцатая] часть совета постоянно стоит на страже государства, совместно с остальными правителями.

7

Для города этих установлений, пожалуй, достаточно. Каково же будет попечение и распорядок во всей остальной стране? Раз уже весь город разделен на двенадцать частей, то не должно ли и всю страну разделить также на двенадцать частей? Не следует ли поставить каких-либо попечителей над дорогами, жилищами, постройками, гаванями, рынком, источниками, равно как и над священными участками, святилищами и всем тому подобным?

Клиний. Конечно, надо.

Афинянин. Скажем же, что в святилищах должны быть неокоры¹¹⁴, жрецы и жрицы. А что касается дорог, построек и поддержания там порядка, чтобы люди и животные не причиняли вреда в черте города и в предместьях, чтобы в государстве осуществлялось все должное, то надо выбрать три рода должностных лиц: во-первых, для только что указанного — так называемых астиномов, для святилищ — жрецов¹¹⁵. Если в некоторых семьях жреческий сан переходит наследственно по мужской или по женской линии, этого порядка не надо нарушать. Впрочем, во вновь основываемом государстве это, естественно, вряд ли может у кого быть, разве у немногих; поэтому следует поставить для тех, у кого это не установлено, жрецов и жриц, в качестве служителей богов. Их поставление частью должно быть выборным, частью происходить по жребию. При этом народ и не принадлежащие к народу¹¹⁶ соединяются дружественно друг с другом в каждой области и в каждом городе, чтобы достичь согласия сколь можно более. Что касается жрецов, то надо предоставить самому богу выбрать ему угодное, поручая это, при помощи жребия, божественной случайности. Однако, каждый раз надо подвергать докимасии того, на кого выпал жребий, в смысле его телесной неповрежденности и законнорожденности, затем — происходит ли он от неопороченного ложа, чист ли он от убийства, не преступил ли он или его отец и мать других подобных божеских установлений. Относительно всего божественного надлежит заимствовать законы из Дельф и ими пользоваться, назначив для них истолкователей. Каждое жреческое звание должно быть годичным, никак не более. Намеревающийся, согласно священным законам, надлежащим образом отправлять богослужение должен у нас иметь не менее шестидесяти лет. Такое же законоположение пусть будет и относительно жриц.

Каждые четыре филы пусть трижды избирают по четыре толкователя, каждая из своего состава. Трое получивших наибольшее количество голосов подвергаются докимасии. Девять посылаются в Дельфы, чтобы из каждой тройки был выделен один. Их докимасия и возрастной ценз пусть будут такими же, как и для жрецов. Они будут истолкователями пожизненно.

А выбывшего пусть доизберут ¹¹⁷ те четыре филы, откуда был выбывший.

Из высших классов изберут трех казначеев для самых больших святилищ, для меньших—двух, для самых скромных—одного. Они будут ведать священной казной каждого святилища, священными участками и их доходами, будут полномочны отдавать их в аренду. Выбор и докimasия казначеев пусть происходит так же, как и выбор и докimasия стратегов. Относительно святилищ порядок пусть будет именно такой.

8

Пусть, по мере сил, ничто не остается без надзора. Надзор над городом будет осуществлен попечением стратегов, таксиархов, гиппархов, филархов, пританов, равно как и астиномов с агораномами, когда они будут у нас, как следует, выбраны и поставлены. А вся остальная страна будет охраняться так: вся она будет разделена на двенадцать, по возможности равных, участков. Каждая фила получает по жребию один участок; ежегодно фила доставляет пять агрономов и фрурархов ¹¹⁸. Каждый из этих пяти избирает из своей филы двенадцать молодых людей, не моложе двадцати пяти лет и не старше тридцати; между ними по жребию распределяются участки страны, каждому на один месяц, чтобы все они ознакомились на опыте со всей страной и приобрели знания. Правление и надзор поручается надзирателям и правителям на два года. Получив вначале по жребию какой-либо участок, они ежемесячно меняют его на соседний, считая кругом от правой руки, под руководством фрурархов; восток при этом пусть будет справа. Чтобы как можно большее количество надзирателей ознакомились со страной не только в течение одного времени года, но чтобы как можно большее количество их узнало, кроме страны, также все происходящее в любом месте в любое время года—для этой цели, по истечении года, на второй год тогдашние руководители снова поведут их налево, постоянно меняя место, пока не пройдет второй год. На третий год надо избрать пять новых агрономов и фрурархов, попечителей над теми двенадцатью молодыми людьми. Во время их пребывания

в данной местности их попечение будет состоять приблизительно в следующем: прежде всего в том, чтобы страна как можно более была укреплена против врагов. Для этого следует проводить там, где надо, рвы, устраивать окопы, чтобы этими сооружениями заградить по возможности путь тем, кто так или иначе попытается причинить зло стране и ее достоянию. Для этого можно пользоваться местными вьючными животными и рабами, привлекая их к работе и по возможности выбирая то время, когда они свободны от домашних работ; ими надо руководить. Все в стране надо сделать непроходимым для врагов, для друзей же сколь можно более проходимыми—как для людей, так и для вьючных животных и стад скота. Надо заботиться о дорогах, чтобы они все были как можно менее „дикими“; о дождевых водах, чтобы они не вредили стране, но приносили бы большую пользу, стекая с вершин во впадины горных ущелий. Надо заградить сооружениями и рвами истоки, чтобы там скоплялись и впитывались дождевые воды, образуя для всех ниже лежащих полей и местностей источники и ключи, так, чтобы даже самые сухие места оказались обильно снабженными водой. Родниковые воды— все равно, речные или ключевые— надо упорядочить как можно лучше устройством насаждений и сооружений; надо соединить их каналами, чтобы вся окружающая местность стала плодородной. Если поблизости находится роща или священный участок, то путем орошения в каждое время года следует отвести воду туда, чтобы украсить святилища богов. Повсюду в таких местах молодые люди должны устраивать гимнасии, доставляя как самим себе, так и старикам стариковские горячие бани. Для этого надо собирать большое количество высохших и сухих дров на пользу людям больным и изнурившим свое тело земледельческим трудом. Эти последние нашли бы там благожелательный прием, гораздо лучший, чем со стороны не слишком сведущего врача.

Так-то, на ряду с приятным во всех отношениях развлечением, осуществлялась бы польза и порядок в этих местах.

Серьезная же сторона дела заключается вот в чем: каждые эти шестьдесят человек будут охранять свою область не только от врагов, но и от тех, кто называет себя другом. Если из соседей или из остальных граждан свободные люди или рабы станут друг другу наносить обиды, то в маловажных случаях пятеро должностных лиц сами рассудят дело потерпевшего; в случае более важных обвинений—до трех мин—дело разбирается, с присоединением двенадцати лиц, уже семнадцатью. Всякий судья или должностное лицо не должен действовать безответственно, за исключением лишь тех, кто, точно цари, выносят окончательное решение. Равным образом и эти агораномы, если они допустят какую-либо наглость по отношению к тем, кто вверен их попечению; если они неравномерно распределят задания, или попытаются захватить и унести что-либо из земледельческих орудий без согласия на то владельца; если они станут брать дары от желающих подольститься, или несправедливо станут распределять наказания,—то взяточники будут во всем государстве заклеены позором. Что касается остальных преступлений, размером до одной мины, по отношению к местным жителям, то, если агораномы пожелают, они могут подвергнуться суду соседей и деревенских жителей.

Если же они не желают, в надежде, что, в виду ежемесячного перехода на новое место, они избегнут суда, то пострадавший, в случае большего или меньшего преступления, должен обратиться в общий суд. Если он выиграет дело, с пытавшегося бежать агораномы, не желавшего добровольно подчиниться, взыскивается в наказание пеня в двойном размере.

Правители и агораномы в течение двух лет ведут такого рода образ жизни: прежде всего, в каждой местности будут сисситии, в которых все будут сообща столоваться. Кто без распоряжения правителей или без настоящей необходимости к тому не будет столоваться сообща, хотя бы только один день, или отлучится на ночь, и пятеро обнаружат это, они, записав его имя, выставят его на площади, как нарушителя своей обязанности стража. Он подвергнется осрамлению, как человек, в подведомственной ему части изменивший государственному строю; невозбранно он будет наказан ударами

со стороны всякого, кто этого пожелает. Если же кто из са- р
мых правителей совершит сам что-либо подобное, то следует
об этом озаботиться уже всем шестидесяти. Если заметивший
и узнавший об этом не возбудит дела, он подпадает тем же
самым законам и наказывается более, нежели молодые люди;
он лишается права занимать все должности, доступные моло-
дым людям. Законохранители пусть тщательно надзирают за
этим, чтобы ничего такого или не возникало с самого начала,
или раз уже возникнет, то чтобы это понесло достойное на-
казание.

Каждый человек должен мыслить о всех без исключения е
людях так: не может стать достойным похвалы властителем
тот, кто не был ранее подчиненным; поэтому более, чем уменьем
хорошо властвовать, должно хвалиться уменьем хорошо под-
чиняться: прежде всего законам, что́ будет подчинением бо-
гам; затем умением юношей подчиняться людям старшим,
честно проведшим свою жизнь. Далее, ставший агораномом
должен в течение двух лет ежедневно отведывать жизни бед-
ственной и тяжелой. В самом деле, после того, как двенадцать
будут избраны, пусть они соберутся совместно с пятью на 763
совещание: ведь они, точно слуги, уже не будут иметь других
слуг и рабов, не будут пользоваться для частных своих нужд
услугами со стороны остальных земледельцев и поселян, но
только для общественных надобностей. В остальном пусть они
сами обратят внимание друг друга, что им предстоит самим
себя обслуживать; к тому же, зимой и летом, вооруженными,
придется им обследовать всю свою область, как для охраны,
так и для постоянной осведомленности о всех местных собы-
тиях. Отчетливое знание каждым человеком своей страны—это в
наука, пожалуй, не хуже всякой иной. По этой причине моло-
дежь должна предаваться псовой охоте или какой-либо иной
не менее, чем остальным удовольствиям, сопряженным с воз-
никающей для каждого человека отсюда пользой. Занимаю-
щихся этим и само их занятие мы назовем или криптами ¹¹⁹,
или агрономами, или каким-либо другим подходящим назва-
нием; но всякий из числа намеревающихся поддерживать над-
лежащим образом свое государство пусть ревностно зани- с
мается этим по мере сил.

Затем нам следует поговорить об избрании должностных лиц: агораномов и астиномов. Шестидесяти агораномам пусть соответствует трое астиномов, которые разделят на три района двенадцать частей города; астиномы будут подражать агораномам в попечении как о городских улицах, так и о больших дорогах, ведущих из страны в город; о постройках, чтобы все они возводились согласно законам; равным образом и о воде, чтобы ее количество, посылаемое и передаваемое им попечениями стражей, хватило на источники; чтобы она была чистой и служила на украшение и пользу городу. Также и эти астиномы должны иметь досуг, чтобы быть в состоянии заботиться об общем благе. Поэтому каждый из высших классов пусть выставляет желаемого кандидата в астиномы; избрание совершается путем поднятия рук. Когда число лиц, получивших большинство голосов, дойдет до шести, те, кому надлежит, выбирают путем жребия из них троих; их прошлое подвергается проверке, и они правят согласно установленным для них законам. После них надо произвести выборы пяти агораномов из второго и первого класса. Во всем прочем их выбор производится так же, как астиномов: путем поднятия рук выбирается десять человек; из них, путем жеребьевки, выделяют пятерых, проверяют их прошлое и наконец объявляют их должностными лицами. Пусть каждый гражданин участвует в каждом голосовании, производящемся путем поднятия рук. Нежелающий, лишь только должностные лица будут извещены об этом, подвергнется пене в пятьдесят драхм, кроме того, что прослывет дурным гражданином.

Всякий желающий может посещать народное или общее собрание. К этому посещению обязываются принадлежащие ко второму и первому классу, под угрозой пени в десять драхм за доказанное непосещение собраний. Для граждан третьего и четвертого класса посещение не обязательно; им не угрожает пеня, разве лишь, когда должностные лица, вследствие какой-либо надобности, объявят присутствие всех обязательным.

Агораномы должны охранять на рынке порядок, предписанный законами, заботиться о помещающихся на рынке святили-

щах и источниках, чтобы никто ни в чем не терпел обиды; обидчика же наказывать, если он раб или чужестранец, ударами и тюремным заключением; а если местный житель станет здесь бесчинствовать, то агораномы являются полномочными судьями в делах, не превышающих ста драхм; присуждать обидчика к пене в двойном против этого размере они могут лишь сообща с астиномами. Такое же право налагать пени и наказания будет и у астиномов в пределах их области; пени до одной мины они могут налагать сами, в двойном размере—совместно с агораномами. С

11

Затем надлежит установить должностных лиц, ведающих мусическим и гимнастическим искусством, и тех, и других по два: одного для обучения, другого для состязаний. Под первыми закон понимает попечителей над гимнасиями, училищами, в смысле попечения о порядке, воспитании, посещаемости и пребывании там мальчиков и девочек, под вторыми—судей над участвующими в гимнастических и мусических состязаниях. Эти последние судьи будут опять-таки двоякого рода: одни относительно мусического искусства, другие—телесных состязаний. При состязаниях людей или коней присуждать награду будут одни и те же судьи; но при мусических состязаниях одни будут присуждать награды в пении соло и в мимическом искусстве, т. е. рапсодам, кифародам, флейтистам и тому подобным, другие будут присуждать награды за хоровое пение. Сперва надо выбрать руководителей развлечений, т. е. руководителей хороводов мальчиков, мужчин и девушек, их плясок и возникающей здесь мусической стройности. Для этого достаточно одного руководителя, не моложе сорока лет. Для пения соло будет достаточен также один руководитель, не моложе тридцати лет; он будет допускать к состязаниям и судить о состязующихся. Руководителя и устроителя хороводов надо выбирать так: те, кто возымел к этому делу склонность, должны явиться на собрание, под угрозой наказания в случае неявки; судьями будут законохранители. Для остальных это необязательно, если они не желают; избиратель должен выставять E 765

В кандидата из числа лиц сведущих; равным образом, при доки-
масии, отводе или утверждении будет приниматься во внима-
ние только одно это обстоятельство, именно: принадлежит ли
получивший жребий к числу лиц сведущих, или нет. Из числа
десяти лиц, предварительно избранных путем поднятия рук,
избирается по жребию на тот же год руководитель пения соло
и инструментальной музыки, причем особо назначенные судьи
С выносят суждение об его избрании. После этого надо из
третьего и второго класса избрать распорядителей-судей для
гимнастических состязаний людей и коней.

Участвовать в выборах обязуются все принадлежащие к пер-
вым трем классам; а самый низший класс пусть останется без-
наказанным, если не будет участвовать в выборах. Пусть будет
выбранных по жребию только трое, а всех лиц, предварительно
избранных путем поднятия рук, двадцать. Из этих двадцати по
жребию выбираются трое, если только они получают за себя го-
лоса лиц, производящих докимасию. Если кто при получении
D по жребию какой-либо должности и суждении по этому вопросу
будет при докимасии забракован, на его место надлежит из-
брать иных тем же самым образом и подвергнуть их точно
также докимасии.

12

У нас остается еще одна правительственная должность, ка-
сающаяся того, о чем речь была выше, и состоящая в попе-
чении о всяческом воспитании как девочек, так и мальчиков.
Пусть во главе этого дела стоит, согласно законам, один пра-
витель, достигший не менее пятидесяти лет, имеющий законно-
E рожденных детей, лучше всего и сыновей и дочерей, или, по
крайней мере, хоть одних из них. Как избиратель, так и изби-
раемый должны понимать, что эта должность гораздо значи-
тельнее самых высших должностей в государстве. В самом
деле, хорошо направленный первый отпрыск любого растения
получает способность в высшей степени развить добродетель,
свойственную его природе. Это касается не только всех ра-
стений и животных, как ручных, так и диких, но и людей. Мы
766 считаем человека кротким; да, если его счастливые природ-

ные свойства были развиты надлежащим образованием, он, действительно, становится кротким и в высшей степени божественным. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это наиболее дикое существо, какое только рождает земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей совершалось так себе, между прочим, как нечто второстепенное. Напротив, это есть первое, с чего должен начать законодатель. Если он намерен иметь должное попечение о детях, ему надо выбрать из числа граждан человека наилучшего во всех отношениях. По возможности именно такого человека и надо поставить во главе попечения о детях. В
Итак, пусть все должностные лица, кроме членов совета и пританов, собравшись в святилище Аполлона, изберут путем тайного голосования из числа законохранителей того, кто, по мнению избирателя, лучше всего мог бы руководить вопросами воспитания. Получивший наибольшее число голосов после докимагии, произведенной избравшими его должностными лицами, кроме законохранителей, отправляет свою должность в течение пяти лет, а на шестой год таким же способом избирают ему преемника. С

Если кто-либо из отправлявших общественную должность умрет ранее, чем за тридцать дней до истечения срока его полномочий, пусть те, кому надлежит, поставят точно таким же образом другого на эту должность. Если сироты лишатся опекуна, то родственники с отцовской и материнской стороны, вплоть до двоюродных братьев, проживающие в стране, должны в течение десяти дней назначить другого опекуна; иначе каждый из них будет наказан пеней в одну драхму за каждый день D
до тех пор, пока они не назначат опекуна.

Всякое государство перестает быть государством, если в нем суды не устроены надлежащим образом. В свою очередь никогда, по нашему, не окажется в состоянии осуществлять правосудие судья безгласный, ничего не высказывающий по поводу предварительного следствия; это может иметь место лишь при частном посредничестве. Вот почему и при многих

Е судьях трудно иметь хороший суд; то же самое и при немногих, если они плохи. Нужно всегда уметь выяснить предмет, оспариваемый сторонами; полезно исподволь и неоднократно, в течение некоторого промежутка времени, вести предварительное следствие, чтобы выяснить спорный вопрос. Для этого тяжущиеся стороны должны обращаться к своим соседям, 767 друзьям, вообще к тем, кто более всего знаком со спорным делом. Если при этом получится суждение неудовлетворительное, должно обратиться к другому суду. Если и оба эти суда не смогут разрешить дело, пусть третья инстанция вынесет окончательное решение.

Установление судов относится до известной степени и к избранию правителей. В самом деле, каждый правитель в некоторых случаях является судьей; судья же, не будучи правителем, тем не менее становится правителем—притом не из последних—в тот день, когда своим приговором он заканчивает 8 судебное дело. Поэтому причтем и судей к правителям и обсудим, какие качества им надлежит иметь, что подсудно им, и сколько их должно быть в каждом отдельном случае.

Самым важным пусть будет тот суд, который стороны сами себе назначат, выбрав его сообща. Кроме того, пусть будут еще два суда: один для разбора дел между частными лицами, чтобы считающий себя обиженным со стороны другого человека мог, в случае желанья, обратиться к правосудию; другой для тех случаев, когда, по мнению гражданина, нарушаются 9 кем-нибудь интересы общества, и он желает притти им на помощь.

Надо также сказать о том, кто будет судьями и какими качествами должны они обладать. Первый суд у нас будет общим для всех частных лиц, кто в третий раз ведет тяжбу по своему делу. Этот суд будет устроен примерно так: представители всех правительственных должностей, избранные на годичный и более срок, перед началом нового года, в месяц, следующий за летним солнцестоянием, накануне этого дня¹²⁰— все правители должны собраться в одном святилище, принести клятву богу и выделить, точно первое приношение, из каждой 10 правительственной должности, как судью, по одному лицу, оказавшемуся наилучшим в каждой данной должности; можно ожидать,

что это лицо наилучшим и самым благочестивым образом будет в течение наступающего года творить правосудие среди граждан.

Избиратели сами производят докимасию над этими избранными. Если кто будет забракован, следует таким же способом, взамен его, избрать другого. Подвергнувшиеся докимасии творят суд над теми, кто уклоняется от прочих судов. Голосование должно производиться открыто. Члены совета и прочие должностные лица, избравшие судей, необходимо должны быть слушателями и зрителями в этих судилищах, а также и все желающие из остальных граждан. Если кто станет жаловаться на умышленное нарушение правосудия со стороны судьи, обвинение следует направлять к законохранителям. Уличенный в этом должен заплатить пострадавшему половину суммы, в которую оценивается убыток. Если виновный окажется заслуживающим большего наказания, законохранители, приговору которых он подлежит, решают, что именно сверх того должен он потерпеть и чем может он возместить нарушение интересов как общих, так и пострадавшего лица, обратившегося в суд.

Обвинения в государственных преступлениях должны сперва передаваться на суждение народа. Когда наносят обиду государству, то тут пострадавшими являются все граждане; они справедливо негодовали бы, если бы остались непричастными к судопроизводству. Поэтому начало подобного дела и окончательное решение по нему предоставляется народу; но следствие и обсуждение производится тремя высшими правительственными учреждениями, выбранными по соглашению истца с ответчиком. Если эти последние не могут притти к соглашению, совет сам назначает судей из числа выбранных обеими сторонами.

Что касается разбора частных дел, то, по мере сил, все должны принимать и в них участие. Кто не участвует в возможности общего отправления правосудия, тот считается вовсе непричастным к государству. Поэтому необходимо, чтобы и в каждой филе были суды, где на месте судили бы судьи, непреклонные к просьбам и избираемые по жребию. Окончательной же инстанцией для всех подобных дел будет служить тот суд, который, как мы сказали, будет наиболее неподкупным,

С насколько это в человеческих силах; этот суд будет предназначен для окончания тех дел, которые не могли быть разрешены ни судом соседей, ни в судах фил.

14

Вот все, что касается судов. Как мы уже сказали, не легко разобраться в спорном вопросе, являются ли судьи правительственными должностями, или нет. Отчасти мы уже набросали как бы внешний очерк судов; кое-что, однако, остается неза-
 тронутым. Впрочем, всего правильнее было бы уже в конце
 D законодательства подробно остановиться на вопросе о судебных законоположениях и подразделениях судов. Это-то и ожидает нас в конце. Что же касается установления остальных правительственных должностей, то это по большей части уже, пожалуй, осуществлено нами в законодательстве. Однако, невозможно целиком и притом точно выяснить все до единого во-
 просы, касающиеся государства и всяческого его устройства, прежде чем наше рассмотрение не придет к концу, охватив все к нему относящееся: как начало, так и второстепенные и
 E промежуточные области. Но в настоящее время достаточно ограничиться сказанным выше, до избрания правителей включительно. Теперь начнется установление законов. Уже нет более никакой нужды делать отступления и задержки.

Клиний. Все вышесказанное, чужестранец, вполне соответствует моим желаниям. Однако, еще более приятно, что ты покончил с этим и начинаешь выяснять дальнейшее.

769 Афинянин. Так, значит, до сих пор нам прекрасно удалось наше разумное старческое развлечение.

Клиний. Не развлечение, а прекрасное и серьезное занятие зрелых людей—вот что, повидимому, вытекает из твоих слов.

Афинянин. Весьма возможно. Если ты согласен со мной, то обратим внимание вот на что—

Клиний. На что? Из какой области?

Афинянин. Ты знаешь, что работа художников над своими картинами¹²¹⁾ не имеет никакого предела; художники расцвечивают их и оттеняют—или как там это называют обучаю-

щиеся живописи—словом, художники беспрестанно улучшают В картины так, чтобы картина стала безукоризненно прекрасной и выразительной. Подобно этому—

Клиний. Я приблизительно улавливаю и сам, о чем ты говоришь, хотя и совершенно незнаком с этим искусством.

Афинянин. Ты от этого ничего не потерял. Однако, воспользуемся этим подвернувшимся нам теперь наблюдением. Дело вот в чем: когда кто замыслил написать сколь возможно С прекрасную картину, такую, чтобы и в последующее время она не потеряла своих достоинств, но казалась бы еще лучше, он, ты понимаешь, должен оставить по себе преемника, так как сам-то этот художник смертен, чтобы преемник поправлял его картину, если она страдает от времени; чтобы этот преемник был в состоянии блестяще выполнить упущения, сделанные в картине вследствие несовершенства искусства ее творца, так что, несмотря на краткость времени, труд этому преемнику предстоит огромный.

Клиний. Верно.

Афинянин. Так что же? Разве не таков же и замысел законодателя? Прежде всего законодатель хочет с достаточною, по мере сил, тщательностью написать законы; с течением времени его набросок проверяется на опыте. Так неужели же, по твоему, законодатель может быть настолько безрассуден, чтобы не признать, что им неизбежно пропущено много такого, что нуждается в последовательном исправлении? Только таким образом намеченный законодателем для государства строй и D порядок может стать лучше, а не хуже.

Клиний. Разумеется. Всякий, естественно, станет желать именно этого.

Афинянин. Если бы кто знал средство как-нибудь, словесно или на деле, обучить другого человека обращать большее или меньшее внимание на эти вопросы—именно: каким образом следует охранять и исправлять законы,—неужели он не сообщил бы этого средства, прежде чем окончить свой век?

Клиний. Конечно, сообщил бы.

770

Афинянин. Поэтому и нам с вами надо сейчас это сделать.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Мы намерены дать законы; у нас выбраны законохранители; мы на закате нашей жизни; они, сравнительно с нами, еще молоды. Поэтому, как мы и говорим, нам надо одновременно с законодательством попытаться создать из них, по мере сил, законодателей и законохранителей.

В Клиний. Так что же, если только это в наших силах?

Афинянин. По крайней мере, надо попытаться ревностно этим заняться.

Клиний. Конечно.

15

Афинянин. Так обратимся же к ним с такими словами: Друзья, вы—спасители законов. Мы сделаем очень много упущений в каждом вопросе, по поводу которого устанавливаем законы. Это уже неизбежно. Правда, мы по мере сил набросаем как бы некий очерк всех важных и общих вопросов. Вашей задачей будет восполнение этого наброска. Поэтому выслушайте, на что вы должны обращать внимание, когда будете это делать. Мы с Мегиллом и Клинием уже неоднократно говорили друг другу об этом и признаём правильность наших взглядов. Мы хотим, чтобы вы разделяли наши воззрения и, вместе с тем, чтобы вы стали нашими учениками. Обратите же внимание на то, что является, по нашему общему признанию, целью законохранителя и законодателя. Вот что мы признали самым главным: человек должен стать совершенным, в смысле подобающей ему душевной добродетели, проистекающей из тех или иных обыкновений, нравов, имущества, страсти, мнения, знаний; в человеческом общежитии все — мужчины, женщины, молодежь, старики—должны со всяческим рвением, в течение всей жизни, стремиться к осуществлению указанной нами цели. Поэтому там не найдется места ни для кого, кто хотя отчасти, предпочел бы что-нибудь другое, препятствующее достижению этой цели. Наконец, и все государство, если обнаружится неизбежность опустошений, не пожелает пребывать под рабским игмом, не допустит, чтобы худшие стали править,—граждане скорее предпочтут покинуть свое государство и отправиться в изгнание; они предпочтут претерпеть все тому

подобное, пока не изменится тот государственный строй, которому свойственно делать людей худшими. В этом мы уже ранее пришли к соглашению, а теперь вы, законохранители, подвергните одобрению или порицанию наши законы, имея в виду, однако, обе эти точки зрения. Порицайте те законы, что не могут вести к этой цели, а те, что могут, приветствуйте, примите их благосклонно и живите среди них. Что же касается остальных обыкновений и всего, что ведет к другим, так называемым, благам, с ними надо, говорим мы, распроститься.

Начало последующих законов пусть будет примерно такое. Начнем с вопросов религиозных. Прежде всего, однако, нам надо припомнить об этом числе пять тысяч сорок: на сколько удобных частей оно делилось—да и делится—как вообще, так и по филам. Каждая фила составляет, как мы положили, одну двенадцатую часть этого числа и образуется всего правильнее путем умножения числа двадцать один на двадцать. Это наше число в целом разделяется на двенадцать частей. На столько же делится число, составляющее филу. Следует вдуматься в то, что каждая такая часть является священным божьим даром; она соответствует числу месяцев и обращению вселенной. Вот почему это врожденное свойство заставляет любое государство признать священными эти подразделения. Другие законодатели других государств, быть может, более правильно произвели подразделение и более счастливо обожжили свое подразделение. Впрочем, мы и теперь скажем, что мы в высшей степени правильно выбрали ранее это число пять тысяч сорок: ведь оно имеет различных делителей вплоть до двенадцати, начиная с единицы, за исключением числа одиннадцать. Но и здесь очень легко помочь беде. Если от числа пять тысяч сорок отнять число двух очагов, то обе его части будут здравы. Что все это действительно так, легко покажет небольшое обсуждение на досуге, а сейчас примем на веру разумность этого священного откровения. Произведем, сообразно с ним, подразделение и посвятим каждую часть богу или сыну богов. Мы воздвигнем им алтари со всем сюда относящимся; мы учредим собрания для жертвоприношений у этих алтарей дважды в месяц; первые двенадцать таких собраний будут соответствовать подразделению каждой филы,

вторые двенадцать—расчленению самого государства. Эти собрания должны совершаться прежде всего ради угождения богам и ради всего того, что к богам относится, а затем и для нашей собственной близости, взаимного ознакомления и, сказали бы мы, для всяческих сношений.

- Е** В самом деле, в брачном общении и соединении надо избавиться от неосведомленности о том, из какой семьи берешь себе жену, или в какую семью отдаешь свою дочь. Надо в высшей степени ценить полную безошибочность в подобного рода вопросах, насколько то возможно. Ради этой серьезной цели следует установить хороводные забавы юношей и девушек, где они имели бы разумные и свойственные их возрасту поводы видеть друг друга обнаженными в пределах, дозволяемых здравомысленною стыдливостью каждого. Попечителями, упорядочивающими все это, будут руководители хороводов, а также и законодатели с законохранителями, поскольку мы в наших установлениях сделали упущения. Ведь законодатель неизбежно, как мы сказали, пропустит много мелочей во всех подобных вопросах. Поэтому лица сведущие, ежегодно приобретающие познания, должны постоянно устанавливать исправления и ежегодно вносить изменения, пока не окажется, что достигнут предел в области всех этих узаконений и обыкновений. Десятилетний срок был бы достаточен и соразмерен для приобретения путем опыта сведений в области жертвоприношений и хороводов как в целом, так и в отдельности.
- С** При жизни законодателя, установившего все это, изменения производятся сообща с ним. После же его смерти каждая правительственная должность сама доводит до сведения законохранителей об упущениях в ее области, нуждающихся в исправлении. Так продолжается, пока не окажется достигнутой конечная цель, в смысле прекрасной разработанности каждого отдельного вопроса. А тогда устанавливается все это уже неизбежно и применяется наряду с остальными законами, установленными изначала местным законодателем. Никогда уже не допускается добровольное нарушение чего-либо в этой области. Если же когда встретится какая необходимость в изменениях, то всем правительственным должностям надо сойтись на совещание, обратившись как ко всему народу, так и
- D**

к божеским прорицаниям. Если все согласны, можно произвести изменение, в противном случае—никоим образом и никогда. Тут всегда протест даже одного лица имеет законную силу.

16

Когда же именно и в какое время каждый человек, достигший двадцатипятилетнего возраста, должен вступить в брак—притом не позже тридцати пяти лет—это увидит он сам, да и другие увидят это. Пусть он отыщет по своему желанию женщину и уверится, что она подходит для рождения и общего воспитания детей. Однако, сперва пусть выслушает он, каким образом надо ему отыскивать подходящее и подобающее. В самом деле, как говорит Клиний, следует каждому закону предпослать соответственное вступление.

Клиний. Твое напоминание, чужестранец, превосходно. Ты кстати выбрал время в нашей беседе; твое напоминание кажется мне вполне подходящим.

Афинянин. Отлично. Дитя—так скажем мы сыну добрых родителей,—тебе надо вступить в брак, который вызвал бы одобрение людей разумных. Они не посоветуют тебе избегать при заключении брака бедности и особенно гнаться за богатством; при прочих равных условиях следует предпочесть скромное состояние и в этой среде заключить брачный союз. Ведь это было бы на пользу как данному государству, так и брачующимся семьям.

В самом деле, равное и соразмерное в отношении добродетели бесконечно выше чрезмерного. Человеку, сознающему себя дерзким и, вместе с тем, склонным быстрее должного приниматься за разные дела, надо усердно стремиться стать свойственным родителем благопристойных; кто от природы обладает противоположными качествами, тому надо искать и противоположных свойств. Относительно всякого брака пусть соблюдается одно предписание: каждый человек должен заключать брак полезный для государства, а не только наиболее приятный для самого себя. От природы каждый человек имеет какую-то склонность к тому, что всего более сходно с ним; отсюда во всем государстве возникает имущественное и нравственное

несоответствие. По этой причине в большинстве государств очень часто случаются нежелательные для нас явления. Впрочем, кроме того, что мы возбудили бы смех, мы вызвали бы даже негодование большинства людей, если бы буквально предписали законом богатому не жениться на богатой, многомогущему поступать точно так же; если бы мы принудили вступать в брачное общение характеры живые с медлительными, а медлительные с живыми. Ведь нелегко понять, что государство должно быть смешано на подобие кратера, где кипит налитое неистовое вино, а другое трезвое божество сдерживает его, так что получается хороший и умеренный напиток, как следствие их прекрасного союза. Что то же самое бывает и в брачном общении, этого заметить никто, так сказать, не в силах. Поэтому приходится не предписывать законом, а попытаться зачать и убедить, что в браке каждый человек должен выше ставить взаимное соответствие своих детей, нежели искать, в ненасытном стремлении к деньгам, равенства; кто при браке усердно обращает внимание только на имущественное положение, того мы попытаемся отвлечь путем порицания. Однако, мы не станем приносить ему писанным законом.

17

Ограничимся сказанными увещаниями относительно браков. Упомянем только еще об указанном выше положении, что человек должен держаться своей вечнорождающей природы. Поэтому он должен оставлять по себе детей своих детей, постоянно доставляя богу, взамен себя, служителей. Кроме всего этого, можно было бы сказать еще многое о том, как надо заключать браки. Это было бы правильным вступлением.

Но если кто не будет повиноваться по доброй воле, станет вести себя, как иностранец, непричастный данному государству, и не женится до достижения тридцати пяти лет, тот будет ежегодно платить пеню: гражданин, принадлежащий к наивысшему классу — сто драхм, ко второму — семьдесят, к третьему — шестьдесят, к четвертому — тридцать. Деньги эти будут посвящены Гере. Невыплачивающий их ежегодно будет принужден заплатить в двойном размере. Взыскивать их будет казначей богини; если

он не взыщет, то будет должен сам их выплатить; это принимается в соображение при его отчетах. Такой денежной пене подвергнется нежелающий жениться; а что касается почета, то младшие будут относиться к нему со всяческим бесчестьем. Пусть никто из молодежи не слушается его по доброй воле. Если он попытается принудить кого-либо, то всякий должен притти на помощь и защитить обижаемого. Кто, будучи свидетелем подобного принуждения, не придет на помощь, тот, со стороны закона, будет назван трусом и дурным гражданином. С

О приданом было сказано уже и ранее. Повторим снова: людей бедных надо наставить, что взаимное равенство заключается в том, чтобы не брать и не давать, вследствие имущественной нужды, приданого. Необходимое есть у всех граждан нашего государства; поэтому из-за денег там меньше возникает наглости у женщин и низкого неблагородного порабощения у мужчин. Повинующийся совершит тем самым один из прекрасных поступков; а неповинующийся, давший или принявший, чтобы приобрести себе одежду, приданое, стоимостью более, чем пятьдесят драхм,—должен уплатить в общественную казну одну мину, если он принадлежит к четвертому классу, три полумины,—если к третьему, две мины,—если ко второму, вдвое больше последнего, если он принадлежит к высшему классу. А данное или принятое приданое посвящается Гере и Зевсу. Его взыскивают казначеи этих двух божеств таким же образом, как было сказано о взыскании казначеями Геры постоянной пени с неженатых; иначе казначеи сами выплачивают пеню. В браке правомочным является поручительство со стороны, прежде всего, отца, затем деда, в-третьих, со стороны единокровных братьев. Если никого из них нет, то точно так же полномочно поручительство с материнской стороны. Если произойдет какой-нибудь необыкновенный случай, то полномочными всегда являются ближайшие родственники с опекунами. Что касается предварительных брачных жертвоприношений и других священнодействий при этом, которые подобает совершать во время брака, до него или после, то здесь каждый должен спросить истолкователей, послушаться их и тогда считать, что все совершено соответственным образом. D E 775

На брачные пиршества обе стороны должны приглашать не более, как по пяти друзей или подруг, и, равным образом, такое же число родственников и домочадцев с каждой стороны. Издержки ни у кого не должны быть большими, чем это позволяет состояние, именно: для граждан наиболее богатого класса—одна мина, для второго—полмины, и так далее, соответственно меньшему имущественному цензу каждого. Всем повинующимся закон должен высказать одобрение; неповинующегося подвергают наказанию законохранители, как человека, лишенного вкуса и невоспитанного в законах о свадебных музах. Пить до опьянения не подобает никогда, за исключением празднеств в честь бога, даровавшего вино; к тому же это и небезопасно для человека, серьезно относящегося к браку. Здесь и жениху, и невесте подобает в особенности быть разумными: ведь это не малая перемена в их жизни. Да и потомство должно произойти от родителей как можно более разумных; между тем, почти что неизвестно, в какую ночь—или день—с божьей помощью будет зачат ребенок. Брачное общение, к тому же, не должно совершаться, когда тело полно опьянением. Напротив, зародыш должен возникнуть, как оно и подобает, крепким, не блуждающим, спокойным. А пьяный человек и несет и несетя во все стороны; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, опьяневший не владеет собой и плох в смысле произведения потомства. Естественно, что ребенок иной раз рождается ненормальным, не внушающим доверия и неудачным как по характеру, так и телом. Поэтому в течение жизни, и в особенности в течение года, всего более же тогда, когда наступает время родов, должно остерегаться и не совершать, по доброй воле, ничего вредного, ничего наглого и несправедливого. Ибо все это неизбежно отпечатлевается неизгладимо в душе и теле ребенка, и дети рождаются худшими во всех отношениях. В особенности надо от этого воздерживаться в тот день и в ту ночь, когда совершается брак. Ибо божественное начало, зиждящееся в человеке, спасает все, если только каждый уделяет ему подобающий почет.

Гражданин, вступающий в брак, должен считать один из своих домов, заключающихся в его наделе, местом для рождения и воспитания детей. Там он вступает в брак, расставшись со своим отцом и матерью; это—место жительства и воспитания как его самого, так и детей. В самом деле: наличие в дружеских отношениях какого-то страстного стремления связывает и скрепляет различные характеры. А пресыщенное сожительство, где не возникает время от времени этого страстного желания, вызывает взаимное отчуждение вследствие чрезмерного пресыщения. По этой причине, предоставив свои жилища матери, отцу и родственникам жены, новобрачные должны сами отправиться как бы в колонию. Однако, они навещают своих родителей, а также принимают их у себя. Родив и воспитав детей, они передают им—одни другим—жизнь, точно факел¹², постоянно оказывая богам согласное с законом попечение.

19

Далее, обладание какого рода имуществом является наиболее благоприятным? Относительно большинства предметов это нетрудно сообразить; и овладеть этим не трудно. Но вопрос о рабах труден во всех отношениях. Причиной служит то, что мы как-то неправильно говорим о рабах и, тем не менее, до известной степени, правильно. В самом деле: наши выражения относительно рабов то противоречат тому, как мы пользуемся рабами, то, в свою очередь, сообразуются с этим.

Мегилл. Что это опять мы говорим? Чужестранец, мы не понимаем, о чем ты сейчас спрашиваешь.

Афинянин. Это очень естественно, Мегилл. Чуть что не всем эллинам лакедемонская илотия¹²³ доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: по мнению одних, это—хорошее учреждение, по мнению других—нехорошее. Меньше спора было бы о рабском положении мариандинов, поработанных гераклеотами, а также о племени пенестов, поработанном фессалийцами¹²⁴. Если мы обратим внимание на эти и тому подобные явления, то как же мы должны будем поступить относительно владения рабами? Я в своей речи мимоходом коснулся этого предмета; ты, естественно, задал мне

вопрос, что я тут разумею. Так вот что: мы знаем, все бы мы сказали, что надо обладать наилучшими и наиболее к нам расположенными рабами. В самом деле: многие рабы оказались, в смысле всяческой добродетели, лучше наших братьев и сыновей, так как спасли своих господ, их достояние и целые жилища. Мы знаем, что именно это иной раз рассказывают о рабах.

Мегилл. Так что же?

Афинянин. Однако утверждают и обратное, т. е. что душа рабская не имеет ничего здорового; что никогда не должен человек, обладающий разумом, доверять этой породе людей. Это выразил и самый мудрый из наших поэтов, говоря о Зевсе: „Тягостный жребий печального рабства избрав человеку.

„Лучшую разума в нем половину Зевес истребляет“¹²⁵. Стало быть, люди держатся различных воззрений: одни ни в чем не доверяют породе рабов; они воздействуют на душу рабов—точно это порода зверей,—стрекалом и бичами, и не трижды, но многократно. А другие зато поступают совершенно обратно.

Мегилл. Так что же?

Клиний. Раз существующие воззрения так различны, то как же нам надо поступать, чужестранец, в нашей стране, с рабами, как владеть ими и как держать их?

Афинянин. В чем дело, Клиний? Раз человек есть существо с тяжелым нравом и трудно воспитываемое, то ясно, что он вовсе не захочет быть и стать пригодным и для этого неизбежного разграничения, т. е. чтобы, на самом деле, были разграничены рабы и свободные господа.

Клиний. Кажется, что так¹²⁶.

Афинянин. Владение рабами тяжело. Это многократно было доказано фактом возникновения частых, обычных восстаний мессенцев¹²⁷. Сколько случается бедствий в тех государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном и том же языке! Прибавим еще разнообразные хищения и страдания, причиняемые в пределах Италии так называемыми бродягами¹²⁸. Обратив на все это внимание, иной затруднился бы сказать, как надо поступать во всех этих вопросах. Остается только два средства: во-первых, чтобы рабы

легче подчинялись, они не должны быть между собою соотечественниками ¹²⁹, а, напротив, по возможности, более разниться по языку; во-вторых, надо рабов воспитывать надлежащим образом и не только ради их самих, но и ради своей собственной чести. Это воспитание заключается в том, чтобы не позволять себе никакой наглости по отношению к рабам, но, если возможно, еще менее причинять им обиды, нежели равным нам. Ведь в отношениях с теми людьми, которых обидеть легко, и обнаруживается вполне, кто по природе, а не искусственным образом, почитает справедливость и, действительно, ненавидит несправедливость. Итак, кто по отношению к нравам и действиям рабов окажется незыпятым ни нечестием, ни несправедливостью, тот был бы самым достойным сеятелем на ниве добродетели ¹³⁰. Будет правильным сказать то же самое о господине, о тиране и о всяком господстве над более слабым, чем ты сам. Впрочем, должно правосудно наказывать рабов и не изнеживать их, как людей свободных, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием. Никким образом и никогда не надо шутить с рабами, ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие очень безрассудно любят изнеживать рабов; этим они только делают более трудной их подчиненную жизнь, да и самим себе затрудняют управление ими ¹³¹.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, после того как граждане будут снабжены достаточным, по мере сил, количеством рабов, а свойства рабов будут пригодны для оказания помощи в любой работе, надо словесно обрисовать и жилища граждан.

Клиний. Конечно.

20

Афинянин. К тому же, озаботиться о домостроительстве нового и дотеле не населенного государства—это, так сказать, естественно. Каким образом будет устроено все относящееся к святилищам и стенам? Об этом, Клиний, надо было бы говорить еще до вопроса о браках. Но раз наше государство возникает пока только на словах, то вполне уместно и сейчас

поставить этот вопрос. Когда же государство будет возникать на самом деле, тогда, если богу угодно, мы осуществим это еще до вопросов о браках и доведем до конца во всех частях.

С А сейчас мы в немногих словах дадим лишь как бы некий очерк.

К л и н и й. Отлично.

А ф и н я н и н. Святилища надо устраивать вокруг всей торговой площади. Да и весь город надо расположить кругообразно по направлению к возвышенным местам, ради благоогражденности и чистоты. У святилищ надо расположить местопребывания правителей и судилища. Там-то, как в самом священном месте, и будет отправляться правосудие, частью D потому, что это относится к благочестию, частью потому, что рядом находятся храмы именно таких богов. Здесь будут и те судилища, в которых присуждается надлежащее наказание по уголовным делам и по тем преступлениям, что достойны смертной казни.

Что касается городских стен, Мегилл, то я лично сослался бы на Спарту, именно: пусть стены почивают себе в земле и пусть их не восстанавливают. И вот по какой причине: ведь прекрасно сказано поэтическое о них слово, что стены скорее E должны быть медными и железными, нежели земляными¹³²; а наше утверждение, сверх того, справедливо вызвало бы великий смех, если бы мы после того, как ежегодно стали посылать молодых людей для устройства кое-где окопов, а где и рвов, в иных же местах и для ограждения от врагов путем каких-нибудь сооружений, так, чтобы не допустить неприятеля преступить границу нашей страны,—если бы мы после этого все-таки возвели кругом города стену. Прежде всего это вовсе не полезно для здравого состояния государств, так как обычно производит некую расслабленность в душах жителей: ведь стены приглашают граждан укрываться за ними и не давать 779 отпора врагам. Поэтому граждане спасаются не тем, что постоянно, день и ночь, стоит кто-нибудь из них на страже, но почивают, считая себя огражденными стеной и вратами, точно и на самом деле обрели они в этом средство спасения, точно не для трудов они родились; они не ведают, что облегчение, на самом деле, является следствием трудов. Из постыдного же

облегчения и малодушия, думаю я, обычно снова возникают труды. Но если уже нужны людям какие-нибудь стены, то надо с самого начала, при домостроительстве, так располагать частные жилища, чтобы весь город представлял одну сплошную стену; при этом благоограждением будет служить соответствие и сходство всех домов, выходящих на улицу. Приятно было бы видеть город, имеющий облик единого дома; чрезвычайно легким было бы его спасти как в целом, так и во всех частях. Заботиться об этом надлежало бы более всего самим обитателям, пока сохраняются дома, выстроенные в начале. Астиномы также пекутся об этом, принуждают и наказывают нерадивого; они же пекутся и о чистоте во всех частях города, а также о том, чтобы ни одно частное лицо не захватывало городской земли для своих построек и рвов. Астиномам надо заботиться и о хорошем стоке дождевых вод, обо всем внутри и вне города, что подлежало бы устройению. Законохранители будут обращать внимание на все это и, по мере надобности, будут устанавливать дополнительные законы в этой области, а также и во всем прочем, что могло быть, в виду затруднительности, пропущено законом.

После того, как будут устроены эти здания, а также и те, что кругом торговой площади; после того, как гимнасии, всякого рода училища и театры будут устроены и станут уже только ожидать посетителей или зрителей, мы примемся за продолжение нашего законодательства и разберем то, что следует за браком.

Клиний. Конечно.

21

Афинянин. Итак, Клиний, пусть браки у нас уже заключены. После этого, надо коснуться того образа жизни, какой будут вести молодые супруги, до появления детей, в продолжение не менее года. Как надо будет жить молодым супругам в государстве, которое будет стоять выше большинства государств? Это имеет близкое отношение к тому, о чем мы теперь уже высказались. Однако, сговориться по этому вопросу не так-то легко: толпа примет это еще более неохотно, чем предше-

ствующие немалочисленные установления подобного рода. Впрочем, Клиний, во всяком случае, следует высказывать то, что признаешь верным и истинным.

Клиний. Конечно.

780

Афинянин. Кто замыслил дать государствам законы о том, как должны граждане в жизни поступать во всех общенародных и общественных вопросах, но кто не учел необходимости коснуться вопросов частной жизни граждан, чтобы вся она протекала в порядке; кто предоставил всем и каждому возможность проводить свой день как угодно; кто считает, что граждане, несмотря на то, что частная их жизнь осталась неузаконенной, все-таки пожелают в общественной и общенародной жизни поступать согласно законам, тот рассуждает неверно. Для чего это я говорю? Вот для чего: молодые супруги, утверждаем мы, не должны у нас пользоваться преимуществами и будут так же, как и до брака, проводить жизнь в сисситиях. Это установление возбуждало удивление, когда в начале оно возникло впервые в ваших краях¹³³. Повидимому, это узаконение вызвано какою-нибудь войною или каким-нибудь другим обстоятельством, имеющим то же действие, что и война, когда людей было мало и они были в большой нужде. После того, как они оказались вынужденными воспользоваться сисситиями и вкусили их, они признали, что это узаконение очень важно для спасения. Как-нибудь так и установилось у вас это обыкновение, т. е. сисситии.

C

Клиний. Вероятно.

Афинянин. Вот почему я и сказал, что это установление когда-то возбуждало удивление и рисковано было его предписать. Но в наше время уже не так трудно было бы узаконить его, если кто добавит и это предписание. Зато дальнейшее—что было бы естественно осуществить, хотя сейчас его нет нигде—заставляет законодателя строить, как говорится в шутку, воздушные замки¹³⁴ и заниматься тысячью других тщетных построений подобного рода. Об этом нелегко говорить, а сказавши, не легко довести до конца.

D

Клиний. Что это такое, чужестранец? Ты хочешь что-то сказать и, повидимому, не решаешься.

Афинянин. Так слушайте же, чтобы у нас не было понапрасну много разговоров. Всяческие блага в государстве производит все причастное порядку и закону. А беспорядок или плохие порядки разрушают большую часть других хороших порядков. На этом основано и то, о чем у нас сейчас речь. У вас, Клиний и Мегилл, по какой-то божественной необходимости, на удивление прекрасно, как я сказал, установились сисситии. Однако, они предназначены только для мужчин. А для женщин сисситии нигде правильно не узаконены, и этот обычай не появился на свет¹³⁵. Между тем, женский пол—это другая часть нашего человеческого рода. Правда, в виду своей слабости, женский пол уродился более скрытным и лукавым. К тому же он беспорядочен, так что попустительство законодателя здесь неправильно. По этой причине, если оставить женщин в стороне, многое ускользнет от нас. Гораздо лучше нынешнего положения вещей было бы и для них дать законы. Если оставить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмотрим не половину только, как казалось бы, всех вопросов; ведь насколько женская природа, в смысле добродетели, хуже нашей мужской, настолько же она превосходит нас своею многочисленностью, чуть что не более, чем вдвое. Следовательно, для благополучия государства лучше повторно возвращаться к этому вопросу, производить здесь улучшения, и все обыкновения установить одинаково как для женщин, так и для мужчин. Однако, в наше время род людской к этому расположен далеко не благосклонно, так что разумному человеку нельзя даже и упомянуть об этом в иных краях и в тех государствах, где вовсе отсутствуют сисситии, как государственное учреждение. Так каким же образом не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле заставить женщин явно, на виду у всех, принимать пищу и питье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с большим отвращением, как к этому. Женщины привыкли жить укрыто, в тени; если их насильно станут тащить на свет, они будут оказывать всяческое сопротивление и одержат верх над законодателем. Поэтому-то я и сказал, что в других местах не перенесут без всякого крика даже и надлежащего упоминания об этом—разве что, быть может, здесь¹³⁶. Если решить, что наше рассуждение обо всем

государственном устройстве не является неудачным, ибо цель его разумна, то мне хотелось бы сказать, что указанное выше постановление хорошо и подходяще, если только вы не отказываетесь слушать. В противном случае оставим это.

Клиний. Да нет же, чужестранец, оба мы чрезвычайно хотим слушать.

22

Е Афинянин. Ну, так давайте! Но не удивляйтесь ничуть, если вам покажется, что я пытаюсь повести речь несколько издалека. Ведь мы наслаждаемся досугом, и нам нечего торопиться. Поэтому мы можем всячески и со всех сторон рассматривать вопросы о законах.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, вернемся к сказанному ранее. Всякий человек должен хорошо поразмыслить, по крайней мере, хоть над тем, что род людской или вовсе не имел никакого начала, так что ему не будет и конца—а был он всегда и всячески будет—или же со времени начала его возникновения протекло неизмеримое количество времени.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Да то, что мы должны считать, что на всей земле всячески возникали соединение и гибель государств, разнообразные, в смысле порядка или беспорядочности, обыновения, различные пристрастия к еде, напиткам и к пище, в разные обороты времен года, при которых живые существа, естественно, подверглись многочисленным переменам.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Дальше. Поверим ли мы, что виноградная лоза когда-то появилась, а раньше ее не было? То же самое и о маслине, и о дарах Деметры и Коры, и что некий Триптолем был при этом прислужником¹³⁷? Не станем ли мы полагать, что в то время, когда ничего этого не было, живые существа обратились, как и теперь, к поеданию друг друга?

С Клиний. Почему нет.

Афинянин. А что люди приносили друг друга в жертву, пережитки этого мы и сейчас видим у многих. Напротив, по

слухам, в иных местах не осмеливаются вкушать говядины, не приносят богам в жертву живых существ, но лишь лепешки, плоды, увлажненные медом, и тому подобные чистые приношения, там воздерживаются от мяса, точно нечестиво его есть и осквернять жертвенники богов кровью; у тогдашних людей осуществлялась некая, так называемая, орфическая жизнь¹³⁸: всего неодушевленного они придерживались в пище, а от всего одушевленного, напротив, воздерживались. 11

Клиний. Часто рассказывают о том, что ты говоришь; все это достаточно убедительно, чтобы поверить.

Афинянин. Но, скажут, к чему мы все это сейчас говорим?

Клиний. Ты правильно предполагаешь, чужестранец.

Афинянин. Вдобавок, если смогу, я попытаюсь, Клиний, сообщить и то, что за этим следует.

Клиний. Пожалуйста, говори.

Афинянин. Я вижу, что у людей все зависит от троякой нужды и вожделения. При правильной постановке всего этого возникает добродетель, при дурной — противоположное. Эта нужда и вожделение состоит в еде и питье с самого дня рождения; всякое живое существо обладает страстным стремлением к ним и уже не слушает, когда кто советует ему поступать иначе, а не заниматься исключительно удовлетворением этого рода вожделений и наслаждений и, постоянным устранением всякого рода скорби. Третья же наша величайшая нужда и самое острое стремление приходит позднее; оно всячески воспаляет людей неистовствами и сжигает их многими бесчинствами. Это—стремление к продолжению рода. Эти три болезни надо направить к высшему благу, отвратить их от, так называемого, высшего наслаждения. Надо попытаться сдержать их тремя величайшими средствами: страхом, законом и правдивым словом, дополнительно пользуясь при этом музами и богами покровителями состязаний, дабы погасить возрастание и наплыв этих страстей. 783 В

Остановимся после вопроса о браках на вопросе о рождении детей, а после рождения—на их вскармливании и воспитании. Быть может, продолжая таким образом нашу беседу, мы продвинем вперед всякий закон и дойдем тем самым и до

сисситий. Когда мы подойдем к этого рода союзам—будут ли они состоять только из мужчин или же из женщин—мы более приблизимся к ним и, быть может, скорее увидим, что в этой области еще до сих пор остается неуставным, а между тем должно быть установлено. Мы выдвинем вперед то, что стоит впереди сисситий. Как было сейчас сказано, мы более точно увидим, какие именно подходящие и подобающие законы здесь надо установить.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Так сохраним же в нашей памяти только что сказанные слова. Быть может, все это нам когда-нибудь понадобится.

Клиний. Что именно советуешь ты запомнить?

Афинянин. То, что мы определили тремя словами: мы говорили о пище, во-вторых, о питье и, в-третьих, о каком-то волнующем стремлении к любовным наслаждениям.

Клиний. Мы всячески запомним, чужестранец, то, что ты сейчас советуешь.

Афинянин. Прекрасно. Перейдем же к вопросу о новобрачных. Мы их наставим, как и каким образом надо производить детей: если мы их не убедим, мы будем грозить им известными законами.

Клиний. Как так?

23

Афинянин. Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать государству, по мере сил, самых прекрасных и наилучших детей. Все люди, участвующие в любой работе, производят все прекрасно и хорошо, пока обращают свое внимание на работу и на самих себя. А когда не обращают внимания, или не обладают разумом, случается обратное. Пусть же молодой супруг обратит свое внимание на свою жену и на деторождение. То же самое пусть делает и молодая супруга, в особенности в тот промежуток времени, когда у них еще не родилось детей. Надзирательницами в этой области будут выбранные женщины; число их может быть большим или меньшим по усмотрению правителей, точно так же и срок их деятельности. Они будут

ежедневно, на треть часа, собираться к святилищу Илифии ¹⁸⁹; собравшись, они будут сообщать друг другу, что каждая заметила относительно отдельных мужчин и женщин, производящих детей, именно: не обращают ли те своих взоров на что-либо иное, а не на то, что было установлено свадебными священными жертвоприношениями. Срок для произведения детей и охраны лиц, их производящих, пусть будет десятилетний, не более, в том случае, когда течение рождений идет хорошо. Если же в продолжение этого времени у некоторых не будет потомства, то супруги, для взаимной пользы, расходятся, посоветовавшись сообща с родными и правящими женщинами. Когда возникает какое-либо сомнение в том, что полезно и подобает обеим сторонам, они выбирают из числа законохранителей десять человек и исполняют их предписания и постановления. Эти женщины, посещающие дома новобрачных, частью увещевают, частью прибегают к угрозам для прекращения погрешностей и невежества. Если они окажутся тут бессильными, они обращаются к законохранителям, рассказывают им всё, а уже те действуют. Но если и законохранители так или иначе окажутся бессильными, то они об'являют всенародно, возбуждают судебное дело и клянутся, что такого-то и такого-то они оказались не в силах исправить. Если на суде обвиняемый не убедит своих обвинителей, он лишается гражданских прав в следующем отношении: он не может посещать свадеб и празднеств в честь рождения ребенка; если он туда явится, всякий желающий может невозбранно наказать его ударами. Те же самые узаконения будут и относительно женщин. Если женщина точно так же будет обвинена в бесчинстве; если она на суде не оправдается, она не может участвовать в женских шествиях, не может занимать почетных женских должностей и участвовать в посещении свадеб и рождении детей. Если супруги произведут по закону детей, а затем муж для этого же сойдется с какой-нибудь чужой женой, а жена—с чужим мужем, то, если они сойдутся с теми, кто по своему возрасту еще предназначен для произведения детей, они подпадают тем же наказаниям, что были указаны для тех, кто еще рождает детей. А кто миновал уж этот возраст, то здравомыслящий во всех этих вопросах мужчина и здравомыслящая женщина будут пользо-

ваться доброй славой. В обратном случае и почет будет 785 противоположен, т. е. они скорее подвергнутся бесчестию. Поскольку многие в этой области являются умеренными, постольку закон обходит это молчанием; но если совершаются бесчинства, то устанавливаются узаконения, согласно установленным тогда законам.

Начало жизни каждого — его первый год. Его нужно записать, как начало жизни мальчика или девочки, в отеческих святилищах. В каждой фратрии на выбеленной стене пусть рядом с этой записью обозначат число правителей, расчисленных по в годам. Живущих членов фратрии будут постоянно записывать близко друг от друга; имена же покинувших жизнь будут стираться.

Срок вступления в брак для девушки будет с восемнадцати до двадцати лет, если определять крайний срок; для молодого человека — с тридцати ¹⁴⁰ до тридцати пяти. Для занятия правительственных должностей устанавливается возраст для женщины — сорок лет, для мужчины — тридцать. Военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина — если уже будет решено и их привлекать к военному делу, установив дополнительно там то, что для них подходит и им подобает — лишь после того возраста, когда она уже родит детей, и до пятидесяти лет.
